

Среди бескрайнего зеленого моря то тут, то там виднелись причудливые и изящные кроны деревьев. На фоне синего неба они казались еще более грациозными и пленительными, а окружающий пейзаж радовал глаз своей живописностью.

Между деревьями клубились легкие, струящиеся туманы. Зеленый лес пестрел переплетением тропинок, перепадами высот и богатством цветовых оттенков.

Лэ Кэ было совсем не до любования красотами природы. Про себя он выругался: «Два тупоголовых бестолковых пса! Сами на мою беду подставились!»

Накричав на Амана и Шимо, управляющий нагнал на них страху. Желая искупить вину и загладить оплошность, те тотчас забыли о внутренней вражде и перестали сводить старые счёты по поводу взаимного подглядывания. Как выяснилось, у обоих имелись мозги: даже среди глупцов попадают те, кто чуточку умнее остальных, и эти двое определенно относились к их числу.

Лэ Кэ, не имея пути к отступлению, лихорадочно соображал, как поступить, когда вдруг с опушки раздался звонкий, резкий голос:

— Два тупоголовых бестолковых пса! Сами на мою беду подставились!

По лесной тропинке шла девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Окутанная легкой серебристой дымкой полупрозрачных одежд, она обладала поразительно красивой, утонченной внешностью. Ее изящно приподнятые темные брови придавали лицу благородное и горделивое выражение, полное природной стати и решимости. В руке она сжимала короткое копье Красной Сакуры, грозно указывая им на Амана и Шимо.

Стоило Аману и Шимо обернуться и взглянуть на нее, как у них от страха подкосились ноги, а руки замахали в воздухе:

— Госпожа Лоли, мы... мы не со зла!

Не слушая никаких оправданий, Лоли рывкнула:

— Смеющие самовольно ступить на чужие земли — левая нога коснулась почвы, отрубим левую ногу, правая нога коснулась почвы, отрубим правую ногу! Ваши обе ноги испачканы землей Усадьбы Версаль. Сами их себе отрубите или мне позвать палача?

Шимо опустил меч до самой земли, его зубы стучали от страха, и он заикался:

— М-мы... мы гнались за бе-беглым рабом, поэто-то... случайно...

— Хватит изворачиваться! В прошлый раз моя служанка собирала горный ям и всего на шаг оступилась за межу вашей Фермы Кардифф, так тот старый хрыч с Кардиффа тут же отрубил ей ногу! Сегодня вы заплатите мне четырьмя ногами за одну!

Только теперь Лэ Кэ понял, почему Доха и Ясли порхали по верхушкам деревьев не ради показухи, а главным образом для того, чтобы не опускаться на землю и не давать никому повода для придирок.

Аман и Шимо дрожали всем телом, как осиновый лист в бурю. Они прекрасно знали здешние порядки: сначала они караулили в дупле у ручья, служившего естественной границей, а потом в спешке бросились за Лэ Кэ и сами не заметили, как перешагнули ручей и оказались на чужой территории. Теперь, даже если бы сам хозяин Кардиффа явился сюда лично, спасти их ноги было бы уже невозможно.

Вражда между двумя фермами тянулась уже давно, они стояли друг друга, словно острие против лезвия. Несдобровать было лишь этим простолюдинам, пахавшим с утра до ночи: стоило оступиться лишний шаг — и в лучшем случае останешься без ног, а в худшем расстанешься с жизнью, и никто за тебя не заступится.

Неупокоенные души забитых насмерть бедняков вечно бродили по ночам, преследуя одиноких прохожих женского пола и завывая:

— Красавица, красавица, взгляни-ка, у меня совсем нет головы!

Красавица оборачивалась и рыдала еще пуще:

— Да ты на меня посмотри, у меня и вовсе груди нет...

Глядя на перепуганных до смерти Амана и Шимо, Лэ Кэ неожиданно проникся жалостью и громко кашлянул:

— Позвольте мне сказать пару слов по справедливости...

Лэ Кэ высунулся из травы. Возбуждение еще не отпустило его, и он с вызовом подался вперед, держа в руке копье. Девушка оказалась беспечной: подходя сзади, она смотрела только на двух противников преградивших ей путь, и совершенно не ожидала, что в траве у подножия холма прячется еще кто-то, кто вынырнет так внезапно.

Лоли испуганно ахнула, ее щеки и шея покрылись румянцем, а сердце забилось птицей. Лэ Кэ услышал, как из густой травы донесся еще один тихий вскрик: посторонние бы не заметили, но он-то знал, что стоило ему повернуться боком, как Нин Бэй во всех подробностях узрела его могучее тело.

Одним появлением перепугал двух девиц — Лэ Кэ оставалось лишь горько усмехнуться.

— Бряц!

Короткое копьё Красной Сакуры выскользнуло из рук Лоли и упало на землю. Забыв про него, она круто повернулась, закрыла лицо руками и бросилась бечь без оглядки. Здешние девушки не отличались такой искушенностью, как современные девицы из больших городов, и столь резкое и неожиданное зрение повергло ее в шок. Лэ Кэ еще не успел оценить ее глубину, а она уже познакомилась с его размерами. Не успел бой даже начаться, как Лоли отступила, пожелав лишь как можно скорее убраться восвояси. Ее шелковое платье развевалось на ветру, и уже через мгновение она скрылась в лесной чаще.

Аман и Шимо обмякли всем телом, осознав, что только что чудом избежали смерти. Они прислонились друг к другу прямо на земле, лица их побелели, а по щекам градом катился холодный пот.

— Братец, твоя манера обращать врагов в бегство и впрямь... э-э... до чего же хороша! — Аман поднял вверх большой палец и искренне восхитился.

— Не стоит падать духом, друзья мои. При должном усердии и вам со временем покорится эта высота, — с довольным видом изрек Лэ Кэ. Прислонившись спиной к зарослям, он тоже опустил на землю.

— Постой... а в чем тут секрет? — с недоумением спросил Шимо.

— О, секрет тут огромный...

Лэ Кэ уже собрался было похвалиться, как вдруг кто-то сзади изо всех сил ткнул его ногтем в спину. От этой боли он тотчас забыл обо всех глупостях и вернулся мыслями к насущным проблемам. Указав на брошенное Лоли копьё, он произнес:

— Я тебе всё в подробностях растолкую, а ты пока ступай подбери ту штуковину.

Понимая, что передвигаться тому не с руки, Шимо послушно подошел, поднял копьё и протянул его Лэ Кэ. Оружие неизвестно из какого сплава казалось цельным и монолитным, на ощупь оно было тяжелым и увесистым — трудно было представить, как такая хрупкая девица могла им орудовать. На древке красовался выкованный вручную узор из перьев, а на самом конце были вырезаны чжоуские иероглифы, в которых угадывалось имя Лоли.

— Теперь-то расскажешь? — с надеждой уставился на него Шимо.

С вершины холма донеслись звуки ударов и звон клинков — Ясли и Доха сошлись в очередном поединке. Лэ Кэ прекрасно понимал, что сейчас они с Ясли в одной лодке: если она проиграет

и попадет в плен, им с Нин Бэй тоже не поздоровится. Превратить Нин Бэй в служанку он бы не возражал, даже с удовольствием посмотрел бы, сумеет ли эта вечно надменная балованная девица справиться с такой ролью.

Однако положение складывалось из рук вон плохо. Стоило Дохе высвободиться, как они с Нин Бэй неминуемо обратились бы в рабов. Нин Бэй наверняка подверглась бы надругательству со стороны развратного и бесстыдного старого господина — это к гадалке не ходи. А вот убережет ли он собственную задницу, оставалось большим вопросом.

— Шимо, это секретная техника моей семьи. Впрочем, рассказать тебе не жалко, да только вам обоим скоро конец. Все части тела, что выступают наружу, вам всё равно отрубят, так что знание секрета вам уже ни к чему.

Услышав это, Шимо и Аман переглянулись и переменялись в лице. От волнения Шимо заикался еще сильнее:

— М-мы... мы ведь жили не тужили, ка-как это нам скоро конец?

— А я вот спрошу вас, — Лэ Кэ решил сыграть на их страхах, — только что вы едва не лишились ног по милости госпожи Лоли, и после этого вы заявляете, что живете не тужия? Даже если удастся спастись сейчас, думаете, госпожа Лоли не побежит жаловаться вашему господину?

Аман тут же вставил:

— Ни за что! Госпожа Лоли — заклятый враг нашей фермы, с какой стати ей идти к нашему господину с жалобами?

Лэ Кэ еще не до конца разобрался в их взаимоотношениях, но поспешил громким смехом прикрыть замешательство и перевел тему:

— Ха-ха! Ты слишком недооцениваешь ее... К тому же вы самовольно покинули пост, да еще попались на глаза управляющему Дохе. По возвращении вас ждет суровое наказание, и это еще мягко сказано...

Лэ Кэ сделал многозначительную паузу, наблюдая за их лицами. Те и впрямь скисли пуще прежнего, и Шимо пробормотал:

— В прошлый раз я украл кочан пекинской капусты, так меня наказали восьмьюдесятью ударами плетью — делили на три раза, и я потом целых полмесяца с постели встать не мог.

Лэ Кэ кивнул:

— Вот именно! Только на этот раз Аман разделит с тобой сорок ударов, и управятся за один присест, так что можешь особо не переживать. Будешь получать удары и думать о том, как это полезно: бьют — значит любят, другие вон тоже хотят, да не дают. Подумаешь так — и быстро потеряешь сознание от боли...

Чем сильнее Лэ Кэ пытался их утешить, тем тоскливее им становилось. Подливая масла в огонь, он добавил:

— Если дело ограничится лишь плетями, считайте, что вам еще повезло. Боюсь, как бы в суматохе вы и головы не лишились — и поплакаться некому будет!

От испуга лица обоих побелели как мел, и Аман поспешно спросил:

— Э-это... это как понимать?

Лэ Кэ не спешил с ответом. Прислушавшись к звукам на склоне холма, он с наигранным удивлением произнес:

— Разве это не очевидно, а вы и не знали? Тогда ответьте, понимаете ли вы вообще, какие отношения связывают вашу ферму и госпожу Лоли?

Шимо тут же перехватил инициативу:

— Конечно, понимаю! Мы с Фермы Кардифф, а госпожа Лоли — из Усадьбы Версаль. Наши дома испокон веков заклятые враги на этом острове...

— Это что, остров? — Лэ Кэ искренне изумился.

— Ну да, а ты разве не знал? Впрочем, до материка тут всего с десяток ли, оттуда вечно сбегают такие вот рабы, как ты. Кого первого поймали — того и тапки, отправляют в поле горбатиться, а кое-кого и назад на материк переправляют на продажу... А если поймают девку — хи-хи! — та и вовсе бешеных денег стоит.

— Женщины же не умеют работать так, как мужчины, с чего бы они стоили дороже? — не удержался от вопроса Лэ Кэ.

— Эх, деревня ты неотесанная! — Шимо покачал головой, радуясь редкой возможности поучить кого-то уму-разуму. — Девки способны рожать детей! А новорожденные — это новая рабочая сила для хозяев. Купишь одну, а она тебе целый выводок принесет, конечно, она дороже мужика ценится!

Он ткнул пальцем в Амана:

— Вот жена Амана детей рожать не умеет, иначе с какой стати ее ему в жены за бесценок отдали?

Аман густо покраснел, но возразить не смел, видать, так оно и было. Шимо продолжил:

— Зато она взлетела на небеса, как карп, перепрыгнувший через Врата Дракона! Вышла замуж за такого слугу, как мы, сбросила статус рабыни и стала госпожой, прямо как мы с тобой.

Сказав это, Шимо самодовольно огляделся по сторонам, и на его лице читалась неподдельная гордость. Лэ Кэ внутренне усмехнулся и решил подлить масла в огонь:

— И то верно! Если так подумать, управляющий Доха ведь тоже благородный господин, прямо как вы!

Лица Амана и Шимо вмиг переменились. Аман замахал руками:

— Побойся богов, не говори глупостей! Управляющий Доха — доверенное лицо самого господина, к тому же он мастер боевых искусств и первый человек на острове, разве нам с ним тягаться?

Видя, как они боятся даже заикнуться против Дохи, Лэ Кэ оставил попытки их рассорить и небрежно бросил:

— Ну а кто такая эта госпожа Лоли, вы хоть знаете?

Шимо ответил:

— Госпожа Лоли — младшая сестра хозяина Усадьбы Версаль. Говорят, она уже овладела внутренней энергией Первой ступени. Правда это или нет, не знаю, но здорового мужика одолеть ей раз плюнуть.

В голове у Лэ Кэ мелькнула мысль: вспомнив разговор Дохи и Ясли, в котором упоминалось, что у Ясли Третья ступень мастерства, он тут же поинтересовался:

— А ее братец Версаль на какой ступени?

— Говорят, у хозяина Версаля Четвертая ступень, хотя до нашего управляющего Дохи с его Пятой ступенью он всё же не дотягивает.

— А какая ступень вообще наивысшая?

— Этого... я не ведаю. Во всяком случае, наш управляющий Доха — самый сильный на острове, сильнее него никого нет!

— А ваш господин?

— Наш господин — человек ученый, боевыми искусствами не занимается.

— А что за птица эта Ясли?

— Слыхивал, будто она отшельница, познавшая высшие истины высоко в горах. Почему-то управляющий Доха вечно с ней пикируется.

Два простодушных глупыца отвечали на любые вопросы, и в голове у Лэ Кэ постепенно вырисовывалась общая картина. Прохладный ветерок струями пробивался сквозь лесную чащу, принося с собой сладковатый аромат цветущей акации и лаская его щеки, растрепанные волосы и обнаженное тело.

В этот момент на склоне холма раздался глухой удар, и в лесу вспыхнули золотые искры, среди которых смутно пробивалось пятицветное сияние.

Лэ Кэ беспокоился за Ясли: сколько еще она сможет продержаться?

<http://bllate.org/book/22005/2287714>